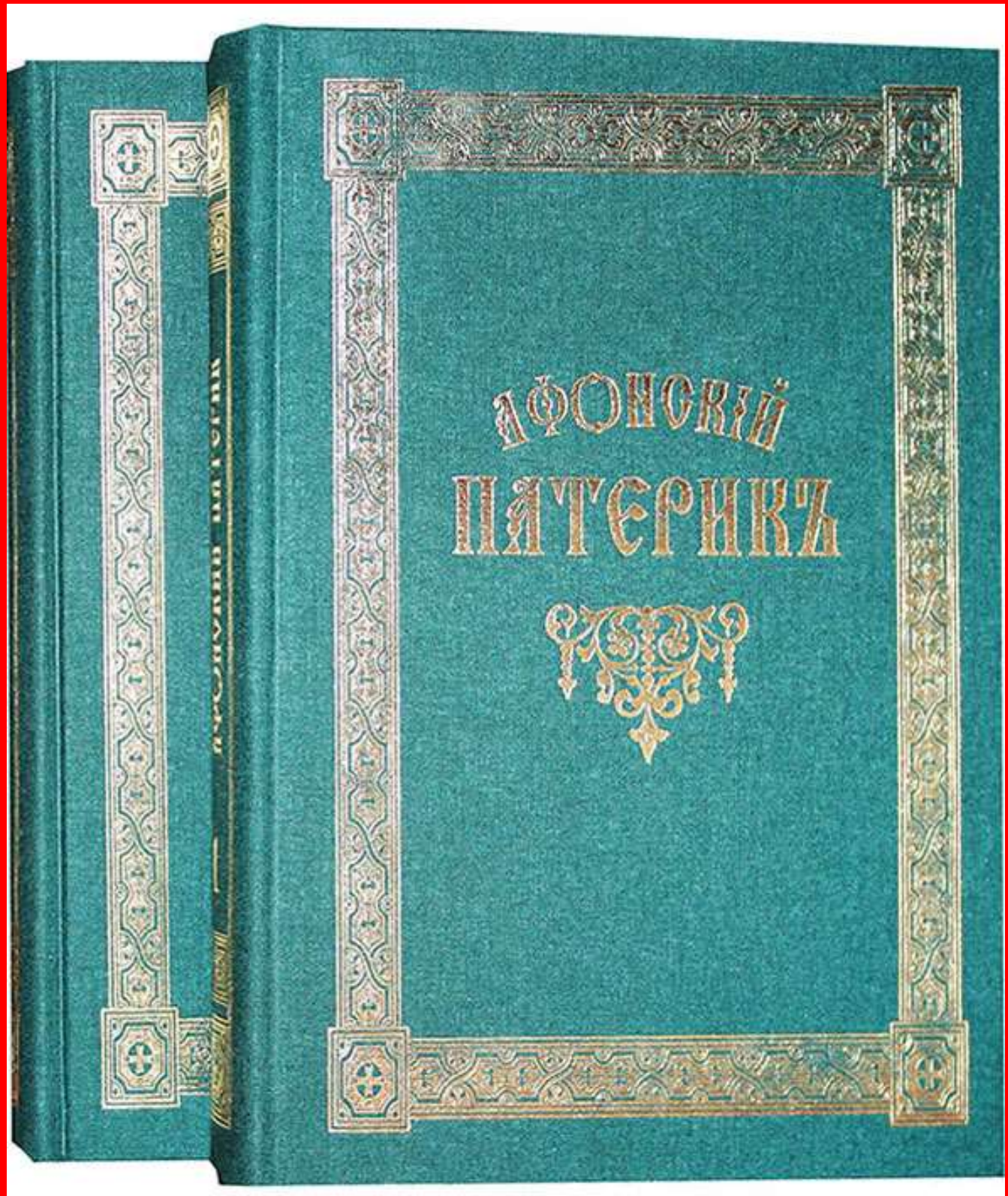

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

13 МАЯ

Память преподобного отца нашего Иоанна Иверского¹²⁹

Богоносный отец наш Иоанн был родом из Иверии (Грузии), из области Тао, происходил от царского рода иверского и славился в своем отечестве, но из любви к Богу оставил мир и вся, яже в мире, и, приняв на себя иноческий образ, подвизался сначала в находящихся в Иверии монастырях. Сперва поступил он в братство монастыря, находившегося близ его родины; потом, как мудрая и трудолюбивая пчела, желая более собрать меду добродетелей с цветов сада духовной мудрости, перешел в монастырь, тоже в Иверии, бывший на горе, называемой Колпа, а отсюда – на Олимп, где и безмолвствовал довольно времени. Но слава добродетели Афанасия афонского достигла и высочайших гор, и неприступных высот, и таким образом оттуда привлекла сего подвижника, как магнит железо, к подвижнику афонскому. Пришедши на Афон к Афанасию, Иоанн сделался искренним его другом и истинным послушником, поэтому впоследствии святой Афанасий отзывался о нем с особенной похвалой. Через некоторое время, оставив лавру святого Афанасия, он, иждивением Василия,

сына Романа, греческого царя, создал славную обитель, которая и доныне известна под названием Иверской, – вместо дотоле бывшей малой и скудной, называемой Климентовой.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Евфимия нового (Иверского)¹³⁰

Преподобный отец наш Евфимий был родом грузин (иверец) из области Тао. Отец его, именитый и богатый, по сердечному влечению к ангельской жизни оставил богатство и славу мира и, в духе нищеты Христовой шествуя крестным путем жизни под именем Иоанна, принятым в пострижении, удалился из Грузии в Константинополь. Между тем, Евфимий, бывший в то время еще в младенческих летах, оставался на родине со своим дедом – под старческим руководством которого и воспитывался в правилах строгой христианской нравственности. Впрочем, и дед недолго оставался с ним в Грузии: взяв с собой Евфимия, он отправился тоже в Константинополь, чтоб найти там сына своего Иоанна и убедить его возвратиться в отчизну. Так и случилось: он отыскал Иоанна и со слезами упрашивал его идти с ним домой, но Иоанн не только не соглашался на это сам, даже и сына

своего Евфимия не хотел отпустить от себя. Вследствие сего огорченный старец должен был, в рассуждении Евфимия, войти с сыном своим в большой спор: Иоанн желал оставить его при себе, а отец Иоаннов не хотел расстаться с любимым своим внуком ни под каким видом, так что наконец это дело дошло до сведения царствовавшего тогда Никифора. Пораженный трогательным спором о дитяти между его отцом и дедом, Никифор приказал представить к нему всех троих. Когда они предстали и пред лицом царя возобновили спор об отроке, Никифор решил так, чтобы ни тот, ни другой не оставлял его при себе против собственной его воли, но чтоб поручили это суду Божию, – то есть к кому отрок пойдет, пусть при том он и будет. А надобно заметить, что Евфимий почти и не видал хорошенько, и не знал своего отца. Когда, таким образом, оставили отрока на собственную его волю, он бросился к своему отцу, которого, как сказано, и не видал, и не знал до настоящего часа, – так что этим растрогал, удивил и привел в слезы всех бывших там.

Тогда блаженный Иоанн принял сына своего как бы прямо от Бога, и потому, как дар Божий, немедленно посвятил его на служение Господу – облек в иноческую одежду и озаботился образованием его в науках внешних, в большей

или меньшей мере нужных для инока. Прекрасные способности и чрезвычайное прилежание Евфимия скоро усовершили его в образовании внешнем, а между тем, неуклонное шествие по крестным стезям христианского самоотвержения под строгим и бдительным руководством отца привлекло на него благословение свыше, так что он сделался наконец приятелем Святого Духа. Может быть, сколько, с одной стороны, занятия классические, столько, с другой – строгие лишения плоти, даже в существенных ее требованиях, изнурили жизненные его силы, и он заболел тяжко, но и здесь Господь не оставил его: предстательством и помощью Пресвятой Госпожи нашей Богородицы Евфимий сперва оправился от болезни, а наконец и совершенно освободился от нее. Такая очевидная милость Божия и заступление Пренепорочной Девы Богородицы были новым для него побуждением и возлагали на него священный долг – более прежнего посвятить себя подвижническим трудам и преуспеянию во всех делах благочестия. При содействии благодати Божией он, действительно, был для своего времени светлым образцом иноческой жизни, достойным не только подражания, но и удивления. Чтобы удостовериться в этом, довольно рассказать об

одном обстоятельстве. Однажды пришел к нему еврей – поговорить о вере. Блаженный Евфимий никак не хотел входить с ним в беседу подобного рода, почитая пустословием – отъявленным врагам Христовым излагать и объяснять Божественные таинства веры; впрочем, из уважения и почтительности к своему отцу, много убеждавшему его к беседе с евреем, наконец согласился на это. Когда начал он приводить еврею различные изречения и предсказания Ветхого Завета о Божественном Мессии, Господе нашем Иисусе Христе, Которого отвергли евреи, – слушавший его еврей онемел, невольно убеждаясь в справедливости его слов и не находя в них, со своей стороны, никаких возражений. Однако ж этот отверженник, пристыженный святым Евфимием, вместо того, чтоб принять к сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному неверным, дерзнул произносить нечистыми своими устами хулы на Господа нашего Иисуса Христа. «Да онемеют уста, хулящие Господа Бога нашего!» – воскликнул тогда святой Евфимий, воспламенившийся Божественной ревностью, и в то же мгновение еврей онемел, ринулся оземь, и из богохульных его уст начала клубиться пена. В таком ужасном положении нечестивец на другой день испустил преступный свой дух. Это

чудо навело на всех страх и ужас, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о святом Евфимии.

Конечно, по духу мира, событие подобного рода и человеческая слава могли бы другого осуетить и привязать к жизни среди столицы, но блаженный Евфимий, как и все истинные подвижники, глубоко чувствуя и зная, что окруженный славой мира чуждается славы Божией и воспринимает мзду свою от людей, понесся как птица от тенет, как узник из темницы из Константинополя, в сопутствии своего отца, на святую Гору Афонскую, и поселился в лавре преподобного Афанасия. Афанасий с любовью принял их, и так еще протекло несколько времени. Между тем, Божественный Афанасий видел прозорливыми духовными очами, что святой Евфимий за сердечную чистоту был избранным сосудом Святаго Духа, – и потому начал убеждать его к принятию священства. Долго не соглашался на это смиренный Евфимий, отзываясь собственным своим недостойнством и важностью священного сана; однако ж, наконец, как истинный послушник, отдал себя в волю святого Афанасия и принял рукоположение. В этом высоком сане Евфимий возвысился более прежнего тайными подвигами,

прилагая воздержание к воздержанию и добродетель к добродетели, так что впоследствии, чувствуя силы и благодать Всесвятаго Духа, принял на себя труд перевести все Священное Писание на грузинский язык. Кроме того, составил он много полных высокой мудрости книг и сам, возобновил многие храмы и больницы и таким образом возвеличил Святую Гору с ее пустынями и придал им еще большую красоту. Надобно признаться, что сердечной его доброты и христианской внимательности ко всем и каждому, неподражаемого его смирения, с каким он служил 14 лет больному своему родителю и великому Афанасию, невозможно выразить на языке человеческом. Когда же преподобный Афанасий отошел ко Господу, блаженный Евфимий, по просьбе и желанию братства, принял управление священной лаврой, а впоследствии и вся Святая Гора избрала его своим правителем, потому что он был в деятельности неусыпен и бдителен и слово священных уст его, исполненное мудрости и утешения, точило для всех врачевство духовное. Впрочем, он недолго оставался в своем звании: любовь к строгому безмолвию влекла его в уединение. Вследствие сего, избравши для лавры вместо себя игуменом сродника своего Георгия, он погрузился в пустыню, и только Бог

знал и видел тайные его подвиги и молитвенные труды. Но так как «не может», по слову Писания, «укрыться град, верху горы стоя» (Мф. 5, 14), то и жизнь святого Евфимия не утаилась от ведения человеческого: Сам Бог прославил его и явил дела его, как увидим это из нижеследующего.

Однажды преподобный Евфимий прибыл в Солунь, где и был весьма ласково принят тамошним епископом – мужем жизни весьма благочестивой. Епископ был коротко знаком с одним из солунских евреев, которого он хотя постоянно убеждал к принятию христианской веры, но тот ни под каким видом не соглашался на это. В бытность преподобного у епископа упомянутый еврей пришел к нему и по-прежнему был убеждаем к верованию во Христа. Но вместо того, чтобы принять убеждения архипастырские если не с уважением и покорностью, то, по крайней мере, со скромностью и молчанием, еврей считал слова епископа за пустословие и шутку и дерзко отзывался о христианской вере. Слыша это, епископ просил святого Евфимия поколебать мудрыми своими убеждениями упорство еврея, но преподобный, как истинное чадо кротости и смирения Иисуса Христа, говорил, что это относится более к обязанности и долгу епископа

и что он, со своей стороны, считает себя в этом случае человеком сторонним. Впрочем, когда епископ стал настоятельно просить его об этом, послушный Евфимий отверз уста свои, исполненные благодати и силы Святаго Духа, и все возражения еврея в рассуждении христианской веры опроверг ясными свидетельствами Ветхого Завета и изложил на основании пророческих речений все истины Евангелия так, что обезоруженный израильтянин должен был наконец со стыдом умолкнуть. После сего, кипя негодованием на святого Евфимия, так пристыдившего его в виду собрания, он не вынес движений огорченного сердца и, вместо возражений на доказательства святого о Божественности Иисуса Христа, дерзнул произнести хулу на Него. Тогда, строго возрев на него, святой Евфимий сказал: «За то, что ты смел произнести хулу на Творца и Владыку всех, Господа Иисуса, да умолкнут уста твои, незаконный!» И еврей онемел, упал на землю, и богохульные уста его и глаза извратились. Такое чудо поразило всех находившихся там евреев и христиан чрезвычайным ужасом. Припав к ногам преподобного, они просили сжалиться над евреем и исцелить его. Преподобный, сколько строгий к хульникам имени Христова, столько

же и сострадательный к бедствующим, послушался их и, напечатлев на еврее знамение животворящего креста, исцелил его. Тогда еврей громогласно исповедал, что Иисус Христос есть истинный Бог, Творец всего, обладающий всяким дыханием, и крестился с домашними своими и со всеми евреями, находившимися там и видевшими это чудо. Впоследствии уверовало во Христа много и других слышавших об этом евреев. Исцелившийся в изъявление своей благодарности пожертвовал святому большое количество серебра, но тот отказался и повелел этот дар раздать нищим.

В одно время на Святой Горе сделалась засуха: все отцы чрезвычайно скорбели от бездождия и просили преподобного, чтобы он помолился о дожде. После долгих убеждений, святой наконец с великим трудом, решился на это – удалился в церковь пророка Илии, находящуюся близ обители Иверской и, как только помолился всемилостивому Богу, со слезами и с принесением безкровной жертвы, тотчас полился сильный дождь, напоивший иссохшую землю. Все прославили Бога, прославляющего славящих Его.

У иноков Святой Горы издревле и донныне соблюдается обычай – на праздник Преображения Господня входить на самую

вершину Афона для всеобщего бдения и Литургии. Однажды к сему празднику в числе других братьев взшел наверх и святой Евфимий. Братия окружили его и усердно просили, чтобы он совершил Божественную литургию. Послушный пресвитер уважил просьбу братии и приступил к священнодействию. Когда при Литургии он возгласил: «победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», и братия воспели: «свят, свят, свят, Господь Саваоф!» – внезапно облистал всех чрезвычайный свет, гора потряслась в своем основании и пораженные тем иноки все пали ниц на землю, кроме преподобного Евфимия, который стоял неподвижно, осияваясь дивным светом и имея вид огненного столпа. После этого чуда преподобный более прежнего прославился всюду.

В то время отошел ко Господу архиепископ кипрский. Греческий император Василий отправил от себя посольство с собственноручным письмом к преподобному Евфимию, убедительно прося его принять пастырский жезл управления кипрской Церковью. Но преподобный и слышать не хотел о таком иерархическом достоинстве, отзываясь тем, что, при своем недостоинстве, он не только

не может управлять другими, но сам требует стороннего водительства на крестных стезях иноческой жизни. Так он был смиренномудр, зная, что смиренномудрие есть мать всех добродетелей.

Впрочем, при всеобщем к нему уважении и славе, которой славил Бог Своего угодника, завистливый враг-диавол, всегдашний противник добра, не вынося постоянного унижения и побед, которыми преподобный низлагал и сокрушал гордую его выю, избрал своим орудием одного из иноков для того, чтобы убить Евфимия. Несчастный, забыв строгие свои обеты и ужасные следствия сатанинского замысла и только увлекаясь завистью к доброй славе Евфимия, решился на убийство и, скрыв под одеждой нож, вошел на башню, где была келья преподобного. Но Бог не дал жезла грешного на жребий праведного. Послушник святого, заметив у убийцы нож, прежде нежели тот успел ворваться в дверь, запер келью и не позволял ему войти туда. Неудача взбесила несчастного: в неистовстве своем, он поразил ножом блаженного ученика преподобного и, ударившись бежать, в бешенстве, с безчинным криком и воплем, встретил другого ученика преподобного, поразил и того ножом и вслед за тем был сам постигнут праведным судом

Божиим; произнося хулы нечистыми своими устами, он ударился оземь и испустил дух.

Между тем, святой, благодатью Святаго Духа, узнав о том, что случилось по действию диавола с ранеными учениками, поспешно сошел к ним и облек их в великую схиму, после чего вскоре отошли они ко Господу. Наглый же и зловонный пес-диавол, никак не терпя дел святого, снова побудил к убиению его одного садовника, который, придя к преподобному с ножом, поразил его и чаял, что с одного удара убьет преподобного, но, хранимый Богом, Евфимий не потерпел никакого вреда, потому что острие убийственного ножа согнулась и железо, потеряв свойственную ему твердость, умягчилось, как воск, а между тем рука, посягнувшая на жизнь угодника Божия, осталась недвижимою и иссохшей. Пораженный таким чудом, садовник со слезами пал к стопам преподобного, искренно исповедал свой грех и трогательно умолял его о прощении и исцелении иссохшей руки. Незлобивый старец смиренно простил его и, помолившись Богу, даровал ему не только телесное, но и душевное здравие.

Но, рисуя таким образом некоторые светлые черты из дивной жизни преподобного, что можем мы сказать надлежащим образом о сердечных качествах, – именно: о милосердии,

кротости и безгневии, о сострадательности ко всем и каждому, равно как и о постоянных его подвигах молитвенных и о всех свойствах иноческого образа, которые возвышают человека над всем чувственным и видимым и прежде времени доставляют ему ангельское безстрашие и Божественную славу? Это выше всякого описания и человеческой речи. При всех этих, так сказать, сокровенных и внутренних свойствах преподобный Евфимий и по обстоятельствам внешним оставался для всей Святой Горы украшением и славой, так что где требовала нужда каких-нибудь царственных пособий и святогорские отцы просили его ходатайства пред императором, – он с удовольствием принимал на себя труд лично ходатайствовать пред ним и просить о пользах Святой Горы. А император, зная его с давнего времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, с особенной внимательностью и чувством уважения принимал его просьбы и тотчас исполнял их. Так случилось, когда на Святой Горе проявились некоторого рода нестроения, святой Евфимий по просьбе отцов немедленно отправился в Константинополь, и следствием сего были для Святой Горы желанный мир и тишина, а для самого преподобного – страдальческая кончина.

Находясь там, он по надобности отправился однажды на муле, в сопровождении инока, в часть города, называемую Платия. На одной улице сидел нищий и просил милостыни. Сострадательный Евфимий, не трогаясь с мула, хотел продать просившему что-нибудь, но бессмысленное животное, испугавшись движений нищего, одичало, понеслось вдоль улицы, и преподобный, не в силах будучи удержать его, был сброшен на землю и разбился смертельно. Стеклись христиане, подняли его и едва дышащего отнесли в дом, где он останавливался тогда в Константинополе. Преподобный не смог оправиться от убийственного удара и чрез несколько дней мирно предал святую свою душу Господу, 13 мая. Так судил Господь преподобному Евфимию окончить подвижническую свою жизнь! А в проявление святости и дерзновения его пред лицом Своим тотчас прославил его: от священных мощей преподобного потекло много исцелений и чудес. Впоследствии мощи его перенесены были на Святую гору и положены в обители честного и славного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, обновленной преподобным Евфимием и прозванный потом Иверской, во славу Отца и Сына и Святаго Духа, единого Божества и Царства¹³¹. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Георгия Иверского¹³²

Богоносный отец наш Георгий происходил из Иверии. Он был племянником св. Иоанна и двоюродным братом св. Евфимия; тоже, подобно им, старался об украшении и распространении созданной Иоанном обители, вновь воздвиг от основания соборный храм (кафоликон) ее, и потому почитается также ее ктитором. Что соборный храм создан Георгием, видно из надписи, которая сделана им на медном круге, лежащем на полу, в середине этого священного храма, под хоросом, где святой пишет так: «Я утвердил столпы сии, и в век не подвижутся. – Георгий, монах ивер и ктитор».

* * *

129

Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

130

Из Neon Eklogion.

131

В рукописи, заключающей в себе жизнеописание ктиторов сей обители – Иоанна, Евфимия и Георгия, усматриваются некоторые несообразности со взятым нами из Neon eklogion жизнеописанием преподобного Евфимия; есть

также некоторые особенности, относящиеся к житию святого Афанасия. О все этом нелишним считаем сказать здесь. В рукописи сей значится, что Иоанн жил уже на Афоне, когда прибыл в Константинополь дед Евфимиев, занимавший при дворе высокую должность, как муж способнейший, избранный тогдашним царем Иверии, по некоторым государственным делам отправиться к царю Никифору; собираясь в Константинополь, он имел мысль посетить и сына своего, слава добродетелей которого далеко уже распространилась, и хотел вызвать его в отечество, чтобы там устроил он монастырь и подвизался, как на Афоне. Но случилось так, что, к приезду его в Константинополь, куда вместе с ним, почти против воли, прибыл и Евфимий, чрезмерно желавший узнать отца своего, явился там и Иоанн, посланный к царю Афанасием и другими отцами, по некоему общему для всей Святой Горы делу. Евфимий, без всякого между его отцом и дедом спора, увидев, при неожиданной встрече в столице, взаимные, родственные, радостные их друг другу поздравления, понял, что то был отец его, и убедился в этом тем более, что заметил некоторое внешнее между ними сходство. Поэтому, движимый внутренним влечением и природным чувством, он притек в объятия

своего отца. Иоанн, от всей души возблагодарив Бога за явное к нему в этом отношении благоволение, оставил Евфимия в Константинополе обучаться греческому языку и другим полезным предметам, а потом Евфимий сам уже прибыл на Афон. Иоанн, 14 июля, Евфимий 13 мая, и Георгий 28 июля, ублажаются многими похвалами и в Грузии, на языке иверском. Все они вместе вышли из лавры Афанасия и, создав Иверскую обитель, были в ней, один после другого, игуменами: игуменом же лавры не был никто из них, хотя Афанасий и очень желал того, скорбел о разлуке с ними, и только предвидя из этого великую для многих человеческих душ пользу, согласился расстаться с ними. Наконец, латиняне, бывшие здесь, на Горе, как говорит предание, взяли с собой мощи, как Евфимия, перенесенные из Константинополя, так и Иоанна и Георгия, вместе с сосудами обители, и оставили ее в запустении.

132

Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

